

АСОМНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОЭМ А. С. ПУШКИНА

Поэмы А. С. Пушкина оказали огромное влияние на развитие русской литературы XIX века, определив на несколько десятилетий вперед основные темы произведений данного жанра. Эти тексты классифицируют по разным основаниям: с позиции определяющего творческого метода, тематическому принципу, сюжетно-композиционной организации и др.

Несмотря на различия аспектов классификации поэм, а также их мотивной и пространственно-временной составляющих, особое место в произведениях отводится героям, их эмоционально-чувственной сфере, фиксации переживаний, мыслей и состояний. Одним из мотивов, характерным для большинства пушкинских поэм, является мотив бессонницы. Он является средством характеристики главных героев, соотносится с происходящими событиями и получает различную интерпретацию. Автор акцентирует внимание на асомническом пространстве, предполагающем описание художественной действительности в момент бессонницы и особенности ее рецепции персонажами.

Асомния в контексте мотива пленения

Мотив отсутствия сна характерен для героев, лишенных свободы. Образ пленника распространен в романтической литературе. Пребывание в неволе становится причиной душевных страданий, ограничивает от внешнего мира, зачастую побуждает к размышлению о прошлом, возможном спасении, осмыслению собственной судьбы. Так, не спит похищенная карликом героиня поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1817–1820), сюжет которой восходит к традиционным ситуациям сказочных и волшебных-рыцарских произведений. Бессонница Людмилы становится лейтмотивом ее пребывания в заточении. Ночью девушку одолевает ощущение страха, которое представлено психологически детально: «Дрожит, как лист, дохнуть не смеет; / Хладенют перси, взор темнеет; / Мгновенный сон от глаз бежит» [3, с. 42]. Асомническое пространство мрака и полной тишины порождает душевное волнение. Состояние княжны усугубляется плохим предчувствием, она сосредотачивается: «Не спит, удвоила вниманье, / Недвижно в тьмоту глядит... / Все мрачно, мертвое молчанье!» [3, с. 42]. Описание злобещей ночной тьмы, страхов, бессонницы, тревожного ожидания выполнено в духе поэтики ужасного, однако, вопреки пугающей тональности начала эпизода, дальнейшее повествование идет в ироничном стиле: оставшийся без колпака карлик боится больше, чем княжна, путается в собственной бороде и падает. Гротескное сочетание ужасного и комического свойственно устному народному творчеству и романтической эстетике с ее тяготением к преодолению условностей, причудливому объединению противоположностей.

Указанные интенции проявляются и в продолжении эпизода, княжна не спит и «Всю ночь она своей судьбе / В слезах дивилась и – смеялась. / Ее пугала борода, / Но Черномор уж был известен, / И был смешон, <...>» [3, с. 52]. Смех княжны над героем-антагонистом диссонирует с распространенным представлением об отрицательном персонаже и девальвирует его типичную роль. Анализируя культурные функции смеха, М.М. Бахтин выделяет его защитную роль и отмечает, что смех избавляет действительность: «от элементов страха или устрашения» [1, с. 137].

В противоположность рассмотренному фрагменту, следующий всецело связан с тревожными переживаниями пленницы. Желая оставаться незамеченной, княжна «На ветвях кедра иль березы / Скрываясь по ночам, <...> / Минутного искала сна – / Но только проливала слезы» [3, с. 72]. Асомническое пространство выражает «пограничное» состояние героини и ее нежелание стать сопричастной иному волшебному миру, который в народном сознании ассоциируется с тем светом. Так, обладая волшебным предметом (шапкой), Людмила остается невидимой для другого мира. Отрицание вовлеченности в него проявляется и на уровне символического действия – невидимая княжна обозначает свое присутствие голосом, который, как известно, является приметой мира живых, и оставленными предметами, имеющими ритуальное значение: «Нередко под вечер слышали / Ее приятный голосок; / Нередко в рощах поднимали / Иль ею брошенный венок, <...> / Или заплаканный платок» [3, с. 73]. Семантику обособленности от иного мира выражает и ее ночное пребывание над землей – на ветвях кедра и березы – деревьев, символизирующих защиту, жизнь и связь с миром живых. Бессонницу, с одной стороны, можно трактовать как реакцию на безысходное положение пленницы и ощущение душевного волнения: «Звала супруга и покой, / Томилась грустью и зевотой» [3, с. 72]. С другой – в аспекте сакрального запрета на сон, который В. Я. Пропп связывает «со сферой смерти и рождения» [2, с. 174]. В ином мире пленница дремлет, «Склонясь ко древу головой» [3, с. 72], только в безопасном месте – на ветвях, что с точки зрения здравого смысла не самый удобный способ отдыха. Указанные обстоятельства актуализируют оппозицию «свой – чужой», которая, по мнению Л. А. Софроновой, «мифологизирует мир реальных персонажей, отсылая к значениям этой оппозиции к народной культуре, где свое принадлежит человеку и освоено им, а чужое есть область смерти» [4, с. 13].

Мотив бессонницы пленной героини имплицитно присутствует в поэме «Бахчисарайский фонтан» (1821–1823). Мария создает в неволе подобие родного мира – выбирает уединенную комнату, в которой «день и ночь горит лампада / Пред ликом девы пресвятой» [3, с. 182], подобно тому, как Людмила, находясь в плену, стремится к миру живых и не желает стать приобщенной к иному.

Отсутствие сна героя, причиной которого является лишение свободы, находит выражение в поэме «Полтава» (1828). Кочубей не спит в темнице замка ночью перед казнью: «В одной из башен, под окном, / В глубоком, тяжком размышленьи, / Окован, <...> / И мрачно на небо глядит» [3, с. 275]. Душевному состоянию героя противопоставляются спокойствие и безмятежность асомнического пространства: «Тиха украинская ночь / Прозрачно небо. Звезды блещут. <...> / Луна спокойно с высоты / Над Белой-Церковью сияет <...> / И тихо, тихо все кругом» [3, с. 275]. Своеобразной границей и в то же время связующим с внешним миром пространственным образом является окно башни, через которое обреченный пленник смотрит на небо, символизирующее традиционно свободу. Его не страшит смерть. Пытаясь осмыслить случившееся, Кочубей переживает о сохранении чести и вспоминает все, что ему дорого.

В отличие от обреченного на казнь Кочубея, принимающего безысходность происходящего, главный герой поэмы «Кавказский пленник» (1821–1823) не спит, ожидая спасения: «За ночью ночь вослед уходит / Вотще свободы жаждет он». Услышав ночные шорохи, «Он, вспыхнув, загремит цепями, <...> / Зовет... но все кругом молчит; / Лишь волны плещутся бушуя» [3, с. 124].

Асомния как маркер любовных переживаний

Отсутствие сна в поэмах связано с эмоциональными переживаниями. Главный герой поэмы «Руслан и Людмила» обеспокоен похищением возлюбленной и ее пребыванием у колдуна, витязя тревожит намерение князя отдать ее в жены тому, кто найдет и вернет его дочь. В пещере старца витязь тщетно пытается заснуть: «Руслан на мягкий мох ложится / Пред умирающим огнем; / Он ищет позабыться сном, / Вздыхает, медленно вертится» [3, с. 21]. Архетип пещеры и очаг внутри нее выступают в роли сакрального убежища. Данный пространственный образ, обладая признаком изолированности от окружающего мира, служит для героя укрытием, местом физического отстранения от действительности. Но Руслан так взволнован событиями, что даже тихая обстановка не может успокоить его, и он обращается к старцу с просьбой утешения в беседе: «Не спится что-то, мой отец! / Что делать: болен я душою, / И сон не в сон, как тошно жить...» [3, с. 21]. всю ночь герой слушает рассказ, не замечая течение времени: «ясны очи / Дремотой легкой не смыкал / И тихого полета ночи / в глубокой думе не слышал» [3, с. 28].

В поэме «Бахчисарайский фонтан» хан Гирей не обращает внимания на других наложниц, лишается сна и покоя, с тех пор как польская княжна Мария попадает в его гарем: «И ночи хладные часы / Проводит мрачный, одинокий» [3, с. 180]. Печаль юной героини беспокоит его: «Е унынье, слезы, стоны / Тревожат хана краткий сон» [3, с. 182].

Главный герой поэмы «Анджело» (1833) ратует за соблюдение законов и возрождает традицию казни за прелюбодеяния, обрекая на нее Клавдио, брата Изабеллы, которая накануне просит освободить узника. Вскоре Анджело осознает, что влюбляется в девушку: «всю ночь не тронул сон / Усталых вежд его. <...>/ “По ней грустит умильно / Душа”» [3, с. 357]. Он проводит всю ночь в унынии и в мыслях о ней: «Словами / Он лебугу говорит, а волей и мечтами / Стремится к ней одной» [3, с. 357]. Однако намерения восплававшего страстью героя нечисты – чтобы завладеть Изабеллой, он готов шантажировать ее расправой над приговоренным братом.

Внезапная страсть к замужней хозяйке дома, в котором он случайно оказывается гостем, становится причиной бессонницы графа Нулина, героя одноименной поэмы (1825). Если в поэме «Анджело» превалирует драматизм, то в этой событи представлено иронично – как анекдот. Наталья Павловна кокетничает с гостем, и он испытывает симпатию к ней. Граф ложится спать, пытается отвлечься чтением, но «Неугомонная забота / Его тревожит; мыслит он: / “Неужто вправду я влюблен?..”». Нулин полагает, что Наталья Павловна готова ответить взаимностью на его чувства. Погасив свечу, он не может заснуть: «Несносный жар его объемлет, / Не спится графу. Бес не дремлет / И дразнит грешною мечтой / В нем чувства» [3, с. 244]. Граф отваживается пойти к хозяйке в комнату, где получает пощечину. Примечательно, что в обоих произведениях страсть, лишаящая героев сна и покоя, осмысливается как греховное искушение.

Отсутствие сна в поэмах обуславливается не только эмоциональными переживаниями, связанными с потерей возлюбленной, чувством любви или страсти. Бессонницу порождают как деструктивные состояния, связанные с ревностью, желанием мести, так и рефлексивные – муки совести, чувство вины или озадаченность происходящим.

Асомния в аспекте деструктивных эмоциональных переживаний

В поэме «Цыганы» (1824) Земфира просыпается, взволнованная ночным кошмаром мужа, и будит отца: «“О, мой отец! Алеко страшен. Послушай: сквозь тяжелый сон / И стонет, и рыдает он”» [3, с. 219]. Тревоге героев противопоставляется безмятежность ночи: «Все тихо; ночь. Луной украшен / Лазурный неба небосклон» [3, с. 219]. Ужасное сновидение Алеко обусловлено, по всей вероятности, душевным смятением от песни, в которой Земфира намекает на неверность. Предчувствуя недоброе, герой резко просыпается следующей ночью и обнаруживает отсутствие жены: «Он с криком пробудясь во сне, / Ревниво руку простирает» [3, с. 227]. Герой встревожен: «Он с трепетом пристал и внемлет / Все тихо – страх его объемлет / По нем текут и жар и хлад» [3, с. 227]. Как и в предыдущем эпизоде, образы асомнического пространства выражают идею спокойствия, но некоторые детали, подтверждая самые страшные предположения Алеко, становятся анонсирующими: «Темно; луна зашла в туманы, / Чуть брезжит звезд неверный свет» [3, с. 227]. Часто упоминаемый в романтической поэзии XIX века образ луны символизирует изменчивость и непостоянство; тьма и туман указывают на неизвестность и заблуждения. Состоятельность подозрений героя предваряет эпитет «неверный». Мотив бессонницы завершает поэму. Отец Земфиры просит расправившегося с неверной женой Алеко оставить цыган. Табор уходит, и лишь в одной телеге ночью «Огня никто не разложил / Никто под крышею подъемной / До утра сном не опочил» [3, с. 222].

Ревность и соперничество лишает сна Зарему в поэме «Бахчисарайский фонтан»: «Все жены спят. Не спит одна. / Едва дыша, встает она» [3, с. 184]. Героиня незаметно проходит в комнату Марии, где со страхом и изумленьем видит «Лампады свет уединенный, / Кивот печально озаренный» [3, с. 185]. Девушка считает Марию препятствием ее счастью с ханом, молит оставить его, потом угрожает.

Намерение отомстить Мазепе за честь дочери становится причиной отсутствия сна Кочубея и его жены, которая «В тиши ночной, на ложе сна, / Как некий дух, <...> / О мщенье шепчет, укоряет» [3, с. 262]. Желание возмездия и подстрекание к нему представлено в отрывке как демоническое наущение. Действия супруги (шепот, плач, укоры, подбадривание и требование клятвы) уподобляются козням злого духа.

Асомния, вызванная муками совести

Мазепа, обреченный на казнь Кочубея, сожалеет о содеянном и не может уснуть. Описание асомнического пространства ночи практически идентично эпизоду, в котором Кочубей пребывает в темнице: тихая украинская ночь, прозрачное небо и блеск звезд. Однако душевное переживание героя сказывается на восприятии картины природы, порождая иные ощущения: «<...> звезды ночи, / Как обвинительные очи, / За ним насмешливо глядят» [3, с. 281]. Мазепе кажется, что тополя, «Качая тихо головою, / Как судьи, шепчут меж собою» [3, с. 281]. Одухотворенный в сознании героя пейзаж проецирует чувство вины и муки совести. Вопреки указанию на спокойствие и безмятежность в начале фрагмента, он вызывает физический дискомфорт: ночь для него «Душна, как черная тюрьма» [3, с. 281]. Символично сопоставление ночной тьмы с тюрьмой: негативные переживания субъективно сужают пространство, порождая ощущение несвободы. Рассмотренный фрагмент актуализирует одно из представлений о темном времени суток как выражающем безысходность, страх, кошмары и муки совести

Примечательно, что после совершения казни и побега Марии герой запирается в комнате, «Близ ложа там во мраке ночи / Сидел он, не смыкая очи» [3, с. 281].

Поэму «Братья-разбойники» (1821–1822) отличает взволнованно-исповедальный тон повествования. Болезнь и бессонница младшего брата так же осмысливается старшим в контексте душевных мук совести за прошлые грехи.

Бессонница как фактор единения

В поэме «Медный всадник» (1833) наводнение и его последствия беспокоят не только главного героя, но и других жителей города, которые «долго <...> не спали / И меж собою толковали / О дне минувшем» [3, с. 390]. Необычное происшествие – пребывание заколдованной княжны в беспробудном сне – побуждает жителей надеяться на чудо и лишает их сна и в поэме «Руслан и Людмила»: «Настала ночь. Никто во граде / Очей бессонных не смыкал» [3, с. 93]. В обоих фрагментах речь идет о силе (стихия или волшебство), порождающей общность переживаний.

Асомния как способ отражения действительности

Мотив отсутствия сна становится во многих поэмах средством романтизации образа. Так, Тазит, герой неоконченной одноименной поэмы (1829–1830), противопоставлен обществу Гасуба своей отчужденностью и отказом от следования принятым обычаям. В духе романтических героев он предпочитает одиночество и размышление на лоне природы «Он как чужой; <...> / Он иногда до поздней ночи / Сидит, печален, над горой, / Недвижно в даль уставя очи» [3, с. 314]. Оссиановские образы в пейзаже придают отрывку характерную эмоциональную тональность – печаль, сожаление.

Задумчивым показывается Валин – герой другой незавершенной поэмы (1821–1822): «Старик забылся крепким сном. / Но юноша, на перси руки / Задумчиво сложив крестом, / Сидит с нахмуренным челом» [3, с. 159]. Отсутствие сна, закрытая поза и серьезное выражение лица свидетельствуют о внутреннем напряжении, глубоком размышлении.

Описание Параша из более поздней поэмы «Домик в Коломне» (1830) скорее пародирует сентиментально-романтический стиль. Девушка не спит, созерцает луну, прислушивается к звукам ночи, мечтает и скучает: «Бывало, мать давным-давно храпела, / А дочка – на луну еще смотрела / и слушала мяуканье котов <...>/ Да стражи дальний крик, да бой часов» [3, с. 328].

В предыдущих фрагментах отсутствие сна маркирует типично романтические характеристики героев или пародирует их. Причина отсутствия сна Евгения в поэме «Медный всадник» вполне прозаична: «<...>долго он заснуть не мог / <...> О чем он думал? О том, / Что был он беден, что трудом / Он должен был себе доставить / И независимость и честь» [3, с. 383]. Его заботит социально положение, непогода и предстоящая женитьба. Евгений с его мыслями о будничных проблемах – один из первых представителей образа «маленького человека» в русской литературе.

Состояние бессонницы переживается героями поэм А. С. Пушкина как особая экзистенциальная ситуация, обусловленная различными обстоятельствами и чувствами. Отсутствие сна характерно для героев, лишенных свободы. Причиной бессонницы становятся также эмоциональные переживания, связанные с потерей возлюбленной, страстью, ревностью, муками совести. Бессонница является средством романтизации образа («Вадим», «Тазит»), пародийной обрисовки («Домик в Коломне») или реалистического изображения («Медный всадник»).

Асомническое пространство (преимущественно, элементы ночного хронотопа) и его характеристики (духота, темнота, уподобление темнице) в рассмотренных повестях символично и раскрывает эмоциональное состояние героев.

Литература

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1990. – 544 с.
2. Пропп, В. Труды. Морфология. Исторические корни волшебной сказки / В. Пропп. – М. : Лабиринт, 2002. – 512 с.
3. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 4 : Поэмы; Сказки. – 552 с.
4. Софронова, Л. А. О мифопоэтическом значении оппозиции человек / нечеловек // Л.А. Софронова // Миф в культуре: человек – не-человек / ред. Л. А. Софронова, Л.Н. Титова. – М. : Изд-во Индрик, 2000. – С. 9–32.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ